

И. Э. Лисок

П. Флоренский и перспективы реализации фундаментального проекта русской философии

Греческая цивилизация была цивилизацией невозможной, немислимой с точки зрения законов, по которым в течение тысячелетий развивались цивилизации восточные. Только эта цивилизация могла породить такое явление, как философия – способ мышления, непрерывно изобретающий сам себя. На Востоке (в частности, в Индии) философии быть не может в принципе, так как там существуют развитые механизмы передачи мудрости из поколения в поколение. Западную же философию формирует вопиющее отсутствие традиции, историческая преемственность непонимания, то есть некое поле напряжения, внутри которого и вспыхивает время от времени то, что называется «философской мыслью». Внеисторичность («несвоевременность») является не столько отличительным признаком акта философствования, сколько условием его возникновения.

Впрочем, тут нужно сделать одно важное замечание.

Вряд ли современный мыслитель обладает мужеством элиа (качеством не столько этическим, сколько онтологическим), то есть мужеством творить себя как человека и как философа на пустом месте, когда акт творения еще не стал прецедентом. Наверное, поэтому и можно быть уверенным, что это «пустое место» ему никто не даст, так что оно так и останется предметом более или менее неясных мечтаний.

Греческая философия возникла в силу того, что убила миф и на его костях построила свой мир. Современная философия существует потому, что сама для себя стала мифом. Если греческая философия (равно как и вся греческая культура эпохи Классики) вспыхнула и погасла, разом исчерпав свои ресурсы, то философия современная живет уже которое столетие внутри мифа о самой себе и медленно себя переваривает. Миф стал одним из модусов ее существования и условием самотождественности. Где бы ни искали современные философы возжеленное ничто как точку самоопределяемости, любой их философский

ход заранее оправдан деяниями двух своеобразных культурных героев философского мифа – Платона и Аристотеля.

Дело было так: однажды Платон, будучи поэтом, создал ФИЛОСОФИЮ, Аристотель же, будучи философом, однажды создал НАУКУ и тот стиль мышления, который вот уже двадцать пять веков осознается европейцами как наиболее «естественный». С тех пор европейская философия и стала делиться на два приблизительно равных по значимости этапа. К первому нужно отнести Платона и Аристотеля, а ко второму – всех остальных философов.

Что же касается досократиков, то Платон и Аристотель создали и их – процитировав и истолковав. Что такое философы до Платона? Это сборник их фрагментов. Обращаться к фрагментарному как к лежащему у истоков целостности может только безумец, которому по тем или иным причинам выгодно эту целостность разрушить (Хайдеггер, кстати говоря, в этом деле чуть было не преуспел).

Вневременное существование Платона и Аристотеля внутри философского мифа искупает несвоевременность каждого моего философского акта. Более того, оно дает *гарантию* того, что и я могу заниматься философией. То есть я без малейших усилий со своей стороны получаю в руки ту *единственную* несомненность, опираясь на которую, я имею право на тотальность философского сомнения... Хотя бы и вплоть до отрицания трансцендентального *cogito*, если мне это зачем-то понадобится.

Но почему их двое?

Скорее всего, потому, что полю напряжения, служащему местом возникновения европейской философии, необходимы два полюса.

Дело в том, что *один раз* философия уже свершилась, исполнилась до конца: начавшись в Платоне (как возможность), она нашла свое окончательное разрешение, окончательную проявленность в Аристотеле. Это, кстати говоря, очень остро чувствовали средневековые мыслители, именовавшие Аристотеля Философом с большой буквы (то есть Философом последним и, следовательно, единственным), а смысл дальнейших занятий философией видели не в совершенствовании философии как таковой, а в использовании ее как готового продукта применительно к нуждам современности.

Собственно, на этом бы все и закончилось, если бы философия Аристотеля действительно напрямую вытекала из плато-

новской. Но на самом деле между Платоном и Аристотелем лежит пропасть, способная вместить в себя *все что угодно*, включая всех последующих философов вместе с их учениями.

Аристотель свою систему построил на базе критики платоновской теории идей, понятой так, как будто тот приписывал «общим понятиям» онтологическую или даже топологическую самостоятельность, хотя у Платона и в мыслях не было утверждать что-либо подобное. С этого истолкования и берет начало практика преемственности непонимания, о которой я говорил выше.

Фундаментальные различия в способе мышления Платона и Аристотеля таковы, что как только мы захотим повернуться лицом к одному из них, второй обязательно окажется у нас за спиной – в зоне абсолютной непроявленности. Впрочем, это не значит, что платоновский способ философствования остается за пределами ориентированной на Аристотеля западной философии. Сама ее «ориентированность» обусловлена тем, что философская мысль как *возможность самой себя* находится целиком внутри платоновских диалогов: даже такой принципиально чуждый платонизму мыслитель, как Уайтхед, говорил о том, что вся европейская философия – это разросшийся комментарий на полях «Тимея». Аристотель же в данной системе представляет собой не более чем «ориентир», задающий направление этой мысли всякий раз, когда та выходит за пределы *возможного*, то есть приобретает собственно философское качество – коль скоро мы признаем, что историческая невозможность философии (сложившаяся в условиях описанной выше один-раз-исполненности) с неизбежностью формирует философию невозможного в качестве единственной подлинно-философской дисциплины.

====

Русским всегда хотелось иметь собственную философию, причем, желательно, созданную по аналогии с государственностью, – вытекающую из европейской, но по сути противоположную (или хотя бы противопоставленную) ей. Наверное, можно констатировать, что до сих пор попытки ее создания особого успеха не имели.

То, что я писал до сих пор, было своеобразным вступлением, а непосредственно сейчас я предложу способ реализовать на практике фундаментальный проект русской философии.

Способ такой: *нужно поменять Платона и Аристотеля местами.*

Конечно, идея эта не совсем новая. О чем-то подобном у нас писали уже давно. Например, Киреевский в своей работе «О характере просвещения Европы» утверждает, что способность мыслить по направлению к Платону является неоспоримым преимуществом русского философа перед европейцем.

Впрочем, тут же становится ясно, что для самого Киреевского философия Платона остается непроясненной, так как вместо того, чтобы попытаться изложить принципиальные моменты его учения (так и не понятые западными философами), он ограничивается общими фразами по поводу «цельности в умственных движениях» и «теплоты в умозрительной деятельности разума».

Так что, говоря о Платоне, как будто тот для России всегда был тем, чем для Европы является Аристотель, Киреевский выдает желаемое за действительное.

Хотя, разумеется, определенные предпосылки для подобного взгляда на сложившуюся ситуацию все же есть – прежде всего, тот факт, что православное богословие (начиная еще с Византии) традиционно пользовалось по мере надобности платоновской философией, оставив Аристотеля католикам.

Но одно дело – теология и совсем другое – философия. Переводы Платона на русский язык появились только в XVIII в., то есть одновременно с началом усвоения Россией западной философии, так что своего Платона русские философы получили вместе с готовой (начатой непосредственно Аристотелем) традицией его толкования.

Инерция этой традиции такова, что еще в начале XX века Соловьев говорит о философии Платона как о «безусловно противопологающей идеальное реальному, а духовное плотскому»¹, а платоновское понятие идеи определяет следующим образом: «Идеи суть общие родовые понятия, то, что потом в схоластике называлось *universalia*; например, то общее, что все прекрасные отдельные предметы имеют между собою, есть идея прекрасного»; «идеи суть действительные первообразы данных в являемом мире предметов»². Более того, даже ранний Лосев, с самого начала чувствовавший свою глубокую предрасположенность к платоновскому взгляду на мир, в своей работе «Эрос у Платона» повторяет мысли Соловьева о Платоне как о «недохристианине», чья абстрактная и в общем-то недорабо-

¹ Соловьев В.С. Платон и Плотин // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1898.

² Там же.

танная до конца философия представляет собой «бездейственное созерцание вечных идей, неподвижно-интеллектуальное и язычески-греческое»¹.

Да, античная мудрость стала органичной частью православия благодаря усилиям отцов церкви. Но «*обратной конвертации*» – создания философии на основе теологии – в России не произошло. В средние века у нас не было своего Фомы Аквинского, который смог бы обеспечить непрерывность традиции обращения к античному наследию.

Похоже, такой человек появился только в начале XX в. Я говорю о Павле Флоренском и имею в виду его работу под названием «Иконостас», которая впервые со времен античности в полной мере делает платоновский взгляд на мир достоянием философии.

Как ему это удалось?

Прежде всего, Флоренский понимал, что платоновская философия будет способна обрести себя только после того, как обретет *собственное место*. Принятое в христианстве соблюдение иерархической структуры наук не «унижает» философию, а, наоборот, оправдывает ее самотождественность перед лицом теологии.

Для того, чтобы обеспечить дистанцию между философией и богословием, необходимо невероятно тонко чувствовать специфику, особенности языка и границы применимости того и другого, иначе религиозная философия обязательно скатится в своеобразный неогностицизм (антирелигиозный и антифилософский по своей сути). Обычно попытки русских людей философствовать заканчивались именно этим, но размышления Флоренского стали счастливым исключением из этого правила. В «Иконостасе» искусствоведение, философия и богословие не сливаются в нечто неразличимое и невнятно-мистическое, но и не сосуществуют в качестве независимых методов исследования, а выстраиваются в строгую иерархическую систему таким образом, чтобы поддерживать и прояснять друг друга.

Укажу на еще один очень важный момент.

Большинство русских мыслителей, обратившихся к Платону, начинают с того, что показывают ограниченность его учения с точки зрения православия. Удивительно, но до Флоренского никому не приходило в голову, что гораздо более актуальным, уже начиная с позднего средневековья, должен стать

¹ Лосев А.Ф. Эрос у Платона // Бытие – имя – космос. – М., 1993.

другой вопрос – о возможности рассмотрения *православия* с точки зрения философии Платона. Необходимо поставить вопрос именно *таким* образом, если мы хотим в будущем иметь возможность иметь дело с «живым» Платоном, а не с памятником, который европейская цивилизация ему воздвигла. Только тогда, когда Платон из объекта познания станет нашим помощником, можно будет говорить о «конвертации» античного наследия обратно в формат философии.

Кстати говоря, Платон как помощник (или даже соавтор) в «Иконостасе» появляется уже начиная с выбора темы. Осмысление православия и его сущностного отличия от остальных христианских конфессий через подробное описание технических приемов, используемых в иконописи, сразу же настраивает нас на платоновское «ремесленное» восприятие философских вопросов (вспомним обилие в диалогах Платона терминов и метафор, связанных с ремеслом). Более того, когда во второй половине повествование плавно перетекает в философский диалог (подчеркнуто-анонимный), мы как будто начинаем чувствовать *его* (Платона) непосредственное присутствие в тексте.

Собственно, с «Иконостаса» начинается отказ русских философов от понимания Платона как «объективного идеалиста», признающего право на подлинное бытие только за областью абстракций. После рассуждений Флоренского о сущностном совпадении образа и Первообраза («когда перед нами – подобие Божие, мы вправе сказать: вот образ Божий – значит, и Изображенный этим образом»¹) Лосев уже на материале систематического анализа диалогов Платона смог констатировать: «Платонизм не знает идеального мира в его чистой идеальности. Он знает лишь тождество “идеального” и “реального”, в результате какового формализуется идея и холодеет “реальное”, вещь»².

В русской традиции понимания Платона Эйдос, или Лик (как Флоренский, так и Лосев подразумевают возможность использовать эти слова как синонимы), это не «общее понятие», а, наоборот, «окончательная реализация индивидуальности». Эйдос – это нечто *совершенное*, то есть нечто *совершённое*, исполненное до конца, *свершившееся* в будущем и долженствующее случиться в настоящем (если мы мыслим исходя из реалий нашего мира, имеющего будущее своей причиной). Отсюда следует, что эйдос явленный (каковым и является право-

¹ Флоренский П. А. Иконостас // Имена: Сочинения. – М., 1998.

² Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. – М., 1993. С. 868.

славная икона), *свершившись* в настоящем, стирает границу между мирами видимым и невидимым.

Впрочем, тут нужно еще раз оговориться о необходимости дистанции между способами постижения бытия. Вопрос о дуализме земного мира и «занебесной области» у Платона будет иметь смысл только тогда, когда мы говорим «о *делах божественных*», при этом неизбежно пользуясь развернутыми метафорами вместо концептов. На уровне *философского* осмысления мира этот дуализм недопустим.

Платон, когда выступает как *философ*, не утверждает сущности «позади» существования – для него сущность вещи – это и есть ее существование (в меру того, насколько она способна наилучшим образом себя проявить), а существование – это и есть ее сущность (т. е. причина, по которой она равна самой себе).

В платоновском представлении о том, что каждая вещь существует благодаря «причастности эйдосу», не нужно искать никакого примитивного мистицизма. Речь идет о существовании *в силу смысловой завершенности*, когда каждый конкретный стол существует, потому что он стол, и других оснований для существования у него нет.

Кажется, русская философия в качестве самостоятельного явления (или даже качественно нового способа постижения Бытия) может начаться где-то *здесь*.